

противопоставления «изображаемого» и «изображающего», человека-«актера» и сверхчеловеческого, божественного существа, которого этот актер «играет». Божество может быть созерцаемо и изображаемо человеком лишь в каком-то антропоморфном, зооморфном или ином облике, но там, где мы имеем дело с религией, а не с фетишизмом, этот облик не есть подлинное божество, а лишь его подобие. Насмешка, издевательство, подчас граничащие с богохульством, по убеждению Хёфлера, всегда адресованы не самому трансцендентному божеству, — его страшатся, ему поклоняются, приносят жертвы, вообще относятся к нему как к предмету веры и культа в высшей степени всерьез. Смех, намеренное поношение и снижение неизменно направлены на изображение, заменяющее божество. В этом осмеянии обнаруживается сознание неидентичности божества как такового его зримой манифестации, и смех служит здесь указанием на это радикальное различие, предостережением против смешения иррациональной божественной силы с ее репрезентацией, абсолютного с относительным и условным, против очеловечения божественного. Тем самым, если я правильно понял мысль автора, осмеяние не только не развенчивает богов, но, напротив, усиливает веру в них, подчеркивая их особую, отличную от человеческой, вообще чувственно непостижимую природу.

Гипотеза Хёфлера заслуживает всяческого внимания. Она исходит из чрезвычайно важного, принципиального требования: по возможности избегать навязывания древнему сознанию идей и представлений современного человека и понимать, что нам ныне трудно достаточно глубоко проникнуть в структуру религиозного восприятия людей других культур. Отметим при этом, что Хёфлер, обосновывая указанное методологическое требование и намечая пути его выполнения, не оставляет надежды постичь сущность архаических верований. В этой связи он опирается на интуитивистский инструментарий герменевтики Дильтея и применяет такие термины, как «историческое вживание», «вчувствование», «сопереживание», «воля к пониманию» и т. п. Но непосредственное интуитивное постижение культурных ценностей, вживание в объект познания, «понимание» требуют, как признает автор, наличия, помимо доброй воли, соответствующего «органа восприятия», и вероятно, трудно было бы отрицать, что дильтеяев герменевтика предполагает немалую долю субъективизма. Поэтому и решение вопроса, поставленного Хёфлером в интересующей меня статье, не вполне меня убеждает.

И вот почему. Предпосылкой рассуждений Хёфлера служит молчаливое допущение противоположности смеха и серьезности, противоположности, понимаемой как историческая константа: она сохраняет свою значимость не только для современного, но и для архаического миропонимания. Более того, веру в богов он допускает только в несмеховой, серьезной форме. Религиозное и нуминозное (как «трепет внушающая мистерия») для него, по-видимому, синонимы. Древние, согласно Хёфлеру, смеясь над зримым изображением божества, подвергая его поношению и унижению, одновременно испытывали ничем не умаляемый пиетет перед божеством, как таковым, в его трансцендентной сущности. Богам поклонялись всегда и исключительно всерьез, без улыбки и смеха, с трепетом и страхом — комическому же снижению мог быть подвластен лишь субститут бога, скажем, не Дионис, а актер, его игравший. Комическое мыслится Хёфлером, следовательно, только как антитеза нуминозному. В природу религиозного восприятия и чувства смех не входит.

Между тем, нельзя ли предположить другую трактовку проблемы, а именно, что противопоставление комического и серьезного начал является не исконным признаком культуры и, в частности религии, а продуктом позднейшего развития? Иными словами, я склонен предполагать, что на исходной ступени возвышенное и низменное, благочестие и пародия были скорее органически родственны и что их нерасчлененное единство распалось лишь впоследствии. Следы этого изначального единства и об-